

Рецензия на работу: Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.

Т.М. Петрова

Аннотация. В рецензии анализируется монография историка культуры Ирины Каспэ «В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры» (2018 г.), представляющая собой попытку использовать методы *utopian studies* для рассмотрения различных пространств позднесоветской культуры. Данное междисциплинарное направление уже давно развивается учеными разных стран, однако применение теоретического инструментария к конкретным кейсам происходит крайне редко. Посредством видео- и фотодокументов, художественной литературы, периодической печати и источников личного происхождения (интервью) И. Каспэ постаралась продемонстрировать особенности рецепции «утопического» и его встраивания в пространство опыта советского общества 1950–1980-х гг. Экзистенциальная оптика позволила автору взглянуть на привычные явления советской истории через призму субъектности и идентичности. Итогом монографии стал вывод о присутствии внутри позднесоветского социума различных практик утопического.

Ключевые слова: СССР, *utopian studies*, поздний социализм, утопия, культура, рецепция, смысл, пространство, субъектность, идентичность.

**Review on:
Kaspe I. In Alliance with Utopia.
The Semantic Frontiers of Late Soviet
Culture. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie,
2018. 432 p.**

T.M. Petrova

Abstract. The review analyzes the monograph of cultural historian Irina Kaspe “In union with utopia. The semantic frontiers of late Soviet culture” (2018), which is an attempt to use utopian studies to examine various spaces of late Soviet culture. This interdisciplinary direction has long been developed by scientists from different countries, however, the application of theoretical tools to specific cases is extremely rare. Through video and photo documents, fiction, periodicals and sources of personal origin (interviews), Kaspe tried to demonstrate the features of the reception of the “utopian” and its integration into the experience space of Soviet society in the 1950s and 1980s. Existential optics allowed the author to look at the usual phenomena of Soviet history through the prism of subjectivity and identity. The result of the monograph was the conclusion about the presence within the late Soviet society of various Utopian practices.

Keywords: USSR, utopian studies, late socialism, utopia, culture, reception, meaning, space, subjectivity, identity.

Выход в 2014 г. монографии Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» [Юрчак, 2014] на русском языке вызвал новую волну интереса к изучению позднего Советского Союза. Исследователь вдохновил коллег на междисциплинарные исследования данной тематики. Именно таковым является монография историка и теоретика культуры Ирины Каспэ «В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры» [Каспэ, 2018]. В ней успешно применены методы истории, культурологии, психологии и социологии.

Уже в названии автор поставила перед читателями ряд вопросов: каково было место утопии в культурной жизни СССР 1950–1980-х гг.? Какими смыслами она наделялась? Посредством чего репрезентировалась? Как воспринималась населением? Их постановка побуждает ожидать не просто фактов из культурной жизни позднесоветского общества, связанных воедино лишь упоминанием одинаковых слов, а анализ экзистенциального измерения утопии. Часть понятийного аппарата монографии также артикулирована в названии. К терминам «реальность» и «утопия», «смысл» и «культура», стоит добавить еще «пространство» и «визуализация».

Основой методологии Ирины Каспэ стали рецептивная эстетика и методы *utopian studies*. Они позволили автору показать технологию создания утопии, ее этапы и особенности.

При помощи рецептивного подхода было рассмотрено восприятие утопии, объединены исторический и литературоведческий взгляды на предмет исследования (с. 8–9). *Utopian studies* – междисциплинарное направление в современной гуманитаристике, исследующее утопическое в различных аспектах (политическом, культурном, международном и т. д.) [Fitting, 2009]. Исходя из этого, автор заявила о стремлении понять устройство утопического восприятия, степень необходимости утопии постсоветскому обществу и ее влияние на него (с. 9–10).

В отличие от теории, практические исследования в *utopian studies* не сильно развиты. Эту лакуну восполняет книга И. Каспэ. Поиск утопического в позднесоветской культуре, рассмотрение его рецепции, пространственного и ценностного измерений составляют новизну исследования (с. 8–9).

Монография состоит из четырех частей. По признанию автора, основой для книги послужили опубликованные в разные годы статьи, поэтому каждая часть – это отдельный кейс, построенный вокруг определенной группы источников и необходимого для их интерпретации теоретического инструментария *utopian studies* (с. 13).

Здесь следует сразу сделать небольшую оговорку. Автор отказался от использования архивных материалов (с. 14). На мой взгляд, это ограничение обеднило книгу. Рассмотрение пространства позднесоветской культуры могло бы быть дополнено документальными свидетельствами. Особенно это касается разделов монографии, касающихся III Программы ЦК КПСС, журналов «Юность» и «Крокодил», репрезентирующих, в том числе, властные установки. Встраивание утопического в советский

социум и его подавление в отдельные исторические периоды, благодаря этому, было бы показано более стереоскопически.

Общей схемой построения исследовательского нарратива стал дедуктивный метод. Начиная с освещения общих вопросов, снабжая читателя необходимым теоретико-методологическим и понятийным аппаратом, И. Каспэ переходит от теории к практике.

Первая часть исследования – «Навык утопического восприятия» – посвящена описанию общих особенностей *utopian studies*. В ней рассказ об особенностях междисциплинарного направления сменяется практикой решения экзистенциальных вопросов при помощи языка социального на примерах одиннадцати фотографий 1970-1990-х гг., «Утопии» Т. Мора и «Современной утопии» Г. Уэллса. Текст данной части, по моему мнению, больше остальных перегружен терминологией, что усложняет его восприятие читателями.

Во второй части монографии – «Утопическое будущее: близкое, далекое, сакральное» – автор сосредоточил внимание на литературной и политической фантастике. Источниковой «осью» стали роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957 г.) и III программа КПСС (1961 г.). Рассмотрев их через призму «теории предела», т.е. составной части *utopian studies*, в рамках которой фантастика рассматривается как «специфический набор правил, регламентировавших футуристические замыслы» (с. 124–125), И. Каспэ пришла к выводу о трансцендентной, метафизической природе «прекрасного будущего». Однако оно не было свободно от дисциплинирующих элементов (правила поведения, распорядок дня) и нормализованных конструкций повседневности, из-за чего будущее так и осталось недостижимым.

Часть третья – «Конструирование реальности: смысловые ресурсы и подручные средства» – знакомит читателя с поиском «смысла жизни» в позднесоветском обществе на примере поколения «шестидесятников». На основе материалов журналов «Юность» и «Крокодил», литературы А. и Б. Стругацких, кинофильмов автор постаралась продемонстрировать экзистенциальное измерение конфликта свободы и подчиненности, в основе которого лежали различия в ценностных установках.

Основой для интерпретации художественных фильмов послужили работы социолога Х. Уайта о контроле и идентичности [White, 1992; White, 2008.]. В них социальное рассмотрено как непрерывающееся движение, выделены четыре типа идентичности и предложено говорить о смысле как производном от столкновения контекстов (с. 296–298). В данном кейсе Ирина Каспэ постаралась найти в кинодокументах элементы утопического и продемонстрировать на их примере возможности конвергенции истории, культурологии и социологии.

Еще один сюжет третьей части посвящен анализу карикатур журнала «Крокодил», осуществленного в контексте антропологического подхода А. Юрчака [Юрчак, 2014]. Используя его понятийный аппарат («гипернормализация официального дискурса», «авторитетный дискурс») и тезис о превращении окружающей социальной

реальности в «нормальную жизнь», автор сосредоточилась на вопросе соотношения «советской», «частной» и «нормальной» жизни в позднем СССР (с. 272–274). Тем самым смена исследовательской оптики позволила дополнить и расширить теорию Юрчака.

Отмечу, что во второй и третьей частях автор специально не рассматривал связь утопии и идеологии. Во-первых, потому что это не входило в ее исследовательские задачи. Во-вторых, данный вопрос уже был достаточно хорошо освещен другим автором [Фокин, 2012].

Заключительная часть исследования – «Место смерти: мемориализация войны и образы Ленинградской блокады» – основана на брошюрах о Пискаревском кладбище и интервью с его посетителями, не имевшими прямого отношения к блокадному Ленинграду. Подобный выбор источников оказался удачен. Он помог на примере одного «места памяти» продемонстрировать дихотомию между «вечной смертью» и «вечной жизнью», официальную репрезентацию пространства и его восприятие обычными людьми, степень сакрализации будущего. Кроме того, по признанию самой И. Каспэ: «констатация аффекта сопричастности блокадной теме позволяет сделать первый, еще довольно неуверенный шаг к разговору о том, каким был статус этой темы в городской культуре позднего социализма, какое место блокадный Ленинград занимал в позднесоветских конструкциях реальности» (с. 341).

В целом, у Ирины Каспэ получилось создать довольно убедительную картину восприятия утопического позднесоветским обществом. Автором были отмечены особенности субъектности и идентичности, соприкосновения утопии с «рубежными» областями, предложен новый подход к изучению предметов культуры. Оправданно, как мне кажется, отсутствует дихотомия «утопия – антиутопия» и не приводится определение главного понятия работы. Это бы способствовало упрощению понимания утопии, которая состоит из многих элементов. В данном же исследовании была продемонстрирована лишь малая их часть.

Следствием многомерности утопического является широта исследовательского поля. Это и достоинство книги, и ее слабость одновременно. Общая картина выглядит мозаичной, кейсы почти не связаны друг с другом. Кроме того, значительный хронологический период стал причиной спрямления хода социальных процессов. Исследуемый период включает разные исторические эпохи, связанные с деятельностью разных политических акторов. Соответственно, рецепция утопического на каждом конкретном историческом участке, скорее всего, менялась. К сожалению, в работе данные особенности исторического развития СССР в 1950–1980-х гг. были затронуты лишь по касательной. При этом более внимательная и тщательная контекстуализация позволила бы автору показать изменения в восприятии утопического на разных этапах советской истории.

Также нужно отметить, что при ограниченной выборке источников было реконструировано отношение к утопии только городской интеллигенции. А как же быть

с рабоче-крестьянским населением? Лишь немногие из них читали «Крокодил» и «Юность», Ефремова и Стругацких. Данный аспект темы можно было бы развить в будущем. Возможно, к нему стоит подойти через изучение позднесоветского социума как общества потребления.

Книга Ирины Каспэ вызывает читательское удовольствие. Браться за малоисследованную мультидисциплинарную тему всегда одновременно почетно и трудно. В данном случае исследовательница одной из первых в отечественной гуманитаристике применила теорию *utopian studies* к изучению позднесоветского культурного пространства. Только за эту смелость она достойна огромного уважения. Определенную ценность монографии придает недосказанность. Это дает возможность продолжить исследование и, возможно, найти в нем ответы на ряд вопросов современности. Ибо утопия, по выражению Р. Музиля, задает не цель, а только направление...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.

Фокин А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 195 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Fitting P. A Short History of Utopian Studies // *Science Fiction Studies*. 2009. № 107. Vol. 36. URL: <http://depauw.edu/sfs/backissues/107/fitting107.htm> (дата обращения – 09 декабря 2018 г.).

White H. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 423 p.

White H. *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 p.

REFERENCES

Kaspe I. *V soyuze s utopiey. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoy kul'tury* [In union with utopia. conceptual borders of the late-soviet culture]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2018. 432 p. (in Russian).

Fokin A.A. *"Kommunizm ne za gorami": obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950-1960-kh godov* ["Communism is not around the mountains": the images of future in power and society at the turn of the 1950s–the 1960s] Chelyabinsk: Encyclopedia Publ., 2012. 195 p. (in Russian).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last soviet generation]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2016. 664 p. (in Russian).

Fitting P. A Short History of Utopian Studies, in *Science Fiction Studies*. 2009. № 107. Vol. 36. Available at: <http://depauw.edu/sfs/backissues/107/fitting107.htm> (accessed 09 December 2018).

White H. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 423 p.

White H. *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 p.